

На протяжении рассматриваемого периода в связи с тем что процесс образования приобретает приоритетный характер требуется значительно больше времени на обучение. Ответственность за содержание и воспитание детей полностью ложится на родителей и общественные организации. Возрастает образовательный уровень населения, процесс получения образования становится приоритетным, занимает важное место в системе ценностей человека. Следовательно, требуется больше времени на обучение и как результат рождение детей постепенно отодвигается на более поздний возраст. Если раньше в семейном хозяйстве дети были незаменимыми помощниками, то сейчас их роль меняется. Содержание, воспитание и образование ребенка становятся довольно затратными и не только в материальном плане. Если учесть то обстоятельство, что оба родителя занято на производстве, то становится очевидным, что и времени на обиход большого количества детей у семьи нет.

Социально-экономическая нестабильность современности рождает в людях психологическую неуверенность в завтрашнем дне, в будущем своих детей, сомнения по поводу возможности обеспечить их всем необходимым для их жизнедеятельности. В Украине возраст матери, в котором она рождает первого ребенка, смещается на более поздний. Это связано с тем, что молодые люди хотят, окончить образование, овладеть профессией, стать экономически независимыми от родителей и лишь затем создать собственную семью. Женщина сегодня стремится реализовать себя как личность в сфере труда и уж потом родить ребенка. Таким образом, нацеленность на личные достижения в профессиональной и экономической сферах, конкурируя с генеративной потребностью, отодвигает последнюю на более поздний возраст. Эта тенденция сегодня характерна для стран Западной Европы, где рождение первого ребенка, как показывает статистика, относится к 30 годам. У нас на сегодня по сравнению с этими странами ранняя рождаемость происходит в возрасте от 20 до 25 лет. Но имеет тенденцию к постарению. В результате сдвига периода рождения первого ребенка снижается вероятность создания многодетной семьи. Родители в большинстве случаев нацелены на 1-2 детей[1].

Биологически присущая человеку генеративная потребность с современным обществе обуславливается социальными факторами, особенностями развития украинского общества на данном этапе, так и его историческим наследием. Трансформацией общества, что в свою очередь, привело к изменениям ценностно-мировоззренческих установок касательно вопроса детности. Сместило жизненные приоритеты большинства людей в сторону малодетной семьи как из-за того что потребность в большом количестве детей отпала, экономически большинство семей не в состоянии обеспечить всем необходимым нескольких детей так и желанием повышения уровня образования, карьерного роста, что отодвигает возраст рождения первого ребенка на более поздний период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шутов М.М. Регенерация населения Украины: сценарий будущего / М.М. Шутов, В.В. Бурег. – донецк, 2009 – 198 с.

Конох Николай Семёнович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права, Днепродзержинского государственного технического университета.

ФИЛОСОФСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА В ПРОЦЕССЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Является общепринятым, что философская образованность или, по крайней мере, осведомленность в сфере философской проблематики, давно является атрибутом высшего образования. Вероятно, это один из факторов, обуславливающих фундаментальную направленность отечественной науки и обеспечивающих способность многих наших ученых выйти за пределы узкоспециальной проблематики. Тем не менее самостоятельный статус философии как учебной дисциплины в современных вузах отнюдь не всем представляется как нечто само собой разумеющееся. В первую очередь это касается так называемых профильных учебных заведений, где в суждениях о философии нередко явственно угадывается смысл когда-то крылатой фразы министра народного просвещения императорской России П.А. Ширинского-Шихматова: "Польза от философии не доказана, а вред от нее возможен" [1, с. 4].

Достаточно часто, преподаватель правовых дисциплин испытывает на себе своего рода давление требований обеспечения "связи с практикой правоохранительной деятельности" содержания преподаваемого предмета. Фразы о роли философии в формировании "осознанных мировоззренческих и нравственных установок", о "развитии способности к самостоятельному теоретическому мышлению", необходимых для решения любых практических задач, звучат для позитивистски настроенного большинства юристов лишь как слабое оправдание философов в своем существовании [2, с. 13-16].

Размышления по этим вопросам можно расположить по нескольким позициям. С одной стороны, достаточно давно и ныне многие специалисты – юристы утверждают: "...само по себе применение философских терминов к праву новых смыслов не рождает, оно их только поверхностно множит" [3, с. 41]. Применение философских терминов к анализу конкретной правоприменительной деятельности не только не рождает новых смыслов, но и усложняет понимание целей своих действий для тех, кто пытается эти рассуждения "понять" и "освоить". В конечном счете, это порождает настороженное отношение к философии как к пустому схоластическому словоблудию, хотя в прямом смысле подорвать ее авторитет невозможно.

С другой же стороны, философское осмысление территории закона есть всегда поиск новых, относительно действующего законодательства, смыслов правотворчества, соответствующих изменениям социальной, да и не только социальной, – возьмем экологическое право, – действительности. Философское осмысление явлений правовой действительности по сути всегда означает выход за рамки собственно права, взгляд на него "со стороны". Такие известные профессиональные российские юристы конца XIX – начала XX века как Б.Н. Чечерин, А.Д. Градовский, П.Г. Редькин, П.И. Новгородцев были не просто служителями закона, они участвовали в процессе рождения новых смыслов права благодаря своей классической философской эрудиции. Позволим себе пространную, уж больно к месту, цитату из "философии права" Б.Н. Чичерина: "Положительные законы суть произведения человеческой воли и как таковые могут быть хороши или дурны... Чем же должен руководствоваться законодатель?... Он не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить... Он не может довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо последняя представляет значительное разнообразие элементов, интересов и требований, которые приходят в столкновение друг с другом и между которыми надобно разобраться. Чтобы определить их относительную силу и достоинство, надобно иметь общие весы и мерило..., а их может дать только философия" [4, с. 21].

Как нам представляется, ответ на поставленные вопросы следует искать в генезисе взаимоотношений права и морали. Развитие морали и права в силу выполнения ими специфических функций в высоко дифференцированном обществе шло не только параллельно, но и посредством взаимной рефлексии, взаимного отзеркаливания. Причина этого в общем истоке – нравы как регуляторы социального взаимодействия. И двоякопроявляющиеся нравы (в юридическом и собственно социальном аспектах) традиционалистского общества, и развивающиеся из них правовая и моральная нормы модернистского общества имеют социальными референтами одни и те же индивидуализированные социально значимые действия, вплетённые в контекст обезличенных коллективных субъектностей [7. СС. 8-13, 17-25, 99-100].

Право также как и мораль оказалось «втянуто» в процесс взаимодействия замкнутых самих на себя автономных социальных систем. Но оно функционально ориентировано в этом процессе иначе, чем мораль. Если негативная моральная оценка сигнализирует о выходе из системы или о подмене принципа оценки эффективности с позиции самой системы, то право, наоборот, выполняет функцию посредника, медиума в этом межсистемном взаимодействии, функцию представительства одной системы во «внутреннем мире» другой системы. Уже в силу этой функции правовая система содержательно может быть только пустой – *пустой, способной наполняться в зависимости от характера взаимодействия систем различным содержанием*; выхолощенность содержания оборачивается формализмом, формой, формальной абстрактностью. Из этой пустой формальности вытекает специфика конструкторов правовой социально-юридической системы – абстрактность и формализованность. Перечисленными особенностями отношения права и морали могут быть объяснены как связь, так и конфликтность между правом и моралью. Оба социальных феномена есть разнонаправленные векторы единого социального механизма, интегрирующего взаимодействие автономных социальных систем в их соотнесённости с индивидуализированным социальным действием.

Результатом развёртывания принципа права стало возможным создание социально-

юридической системы нового типа, которую можно обозначить как «правовая». Новизна заключается в трёх принципиальных моментах. Первый момент – эта система автономна, принцип её самоорганизации и функционирования не редуцируем к внешним принципам и требованиям. Второй – эта система опирается на собственный имманентный ей принцип: право есть формальная равная мера. Третий – она является дискурсивно сконструированной. Первый момент вкратце охарактеризован выше. Второй момент связан с общей логикой развития новоевропейского (модернистского) общества. Развитие этого общества может быть реконструировано через понятия «рационализация» и «автономизация» социальных систем большой размерности. Процесс был положен автономизацией и рационализацией тех видов деятельности, которые в их совокупности описываются терминами «экономика» и «политика». Автономизации экономической и политической систем, будучи двумя сторонами единого процесса, тесно связаны со становлением личности как типа индивидуации, характеризующегося автономностью (самостоятельностью, самодостаточностью).

Автономизация экономики и политики в этом контексте могут рассматриваться как процессы, взаимно подкрепляющие друг друга по принципу обратной связи. Взаимное развитие этих двух процессов породило эффект «петли запираания», придавшей процессам рационализации и автономизации общественных отношений необратимый и всеобщий характер. Индуцированный в области производственных отношений, процесс рационализации и автономизации с неизбежностью затрагивал проблему баланса публичной власти. Поэтому автономизация социально-экономической системы требовала её «отзеркаливания» в форме автономизации социально-политической системы. Усиление автономности «рефлектирующей» политической системы по петле обратной связи усиливало автономность экономической системы. Возрастание автономности и ускорение «разбегания» обеих систем разорвало предыдущий тип общества, уничтожило его, открыв пространство для нового типа социальности и личности.

Дальнейшее развитие описанных процессов вело к ослаблению морального контроля над механизмами властвования. В политической сфере начинают действовать имманентные ей принципы эффективности. Их действие создаёт запрос на инструменты измерения политического действия и контроля над публичной властью. В силу того, что политическая сфера в качестве абстрактного всеобщего интереса, в качестве сферы универсальности становится формальной, инструмент исчисления размерности политической сферы должен быть изоморфен ей, т.е. должен быть таким же формализмом, обладающим универсальной природой. Другими словами, социально-юридическая система как ключевой элемент социального контроля в условиях обезличенной письменной коммуникации с неизбежностью должна была приобретать таковые характеристики. Механизмом, который обеспечил этой системе востребованные свойства, стало формирование и развитие правового дискурса. Право как принцип равной меры выступило в качестве предметной ценности организации дискурса. А оформление дискурсивности юридических отношений шло по общей модели рационализации и автономизации социальных систем, отрефлексированной философией в категории «трансцендентальный субъект».

Совокупность тематически однонаправленных высказываний, кодируемых различием «правовое/неправовое», содержанием которых являются отношения с характеристикой «обладающие свойством юридичности» может быть охарактеризована как правовой дискурс, строящийся по модели логических определений, высказываний и суждений, а система в целом способна рефлексировать основания дискурсивных высказываний. Рефлексия осуществляется в форме операционализации понятия «права» в метатеории, каковой выступает содержательный анализ категории «трансцендентальный субъект». В силу последнего обстоятельства этап функционирования права на собственной основе может быть обозначен как трансцендентальный [см.7].

В качестве дискурсивности – это принципиальный момент новизны, - правовая социально-юридическая система получает способность, во-первых, выступать инструментом контроля и измерения, значимых в политическом пространстве действий, событий. Право придаёт одномерной политической сфере размерность, вносит в него мерные отметки, тем самым делая её измеримой, подверженной социальному контролю. Во-вторых, благодаря перечисленным свойствам – абстрактность, формальность, дискурсивность – правовая социально-юридическая система приобретает функцию социального медиума во взаимодействии автономных, самозамкнутых систем; она воспринимается как «своё чужое» в их внутренней коммуникации. Тем самым она приобретает способность проводить частные социальные интересы в сферу политического; образно говоря, она приобретает способность кодировать их в информационном коде, понятном политической системе.

Так в обнаружении идентификации собственной жизненной траектории, приобретении опыта

самостоятельной деятельности и личной ответственности человека праву принадлежит особое место. Будучи одновременно и областью науки, и областью практической деятельности, право предоставляет уникальные возможности для решения современных педагогических задач, позволяет не только приобрести правовые знания, но и развить особые способности и практические навыки действия в социальной сфере. Уникальность права как специфической формы общественного сознания и общественной практики, обуславливает также значительный воспитательный потенциал правовых курсов.

Работа с правовым содержанием создает условия для формирования ряда способностей, связанных с развитием мышления и речи, которые, как раз, и составляют основу идентификации человека еще с одной (наряду национальной, политической и др.) стороны - правовой.

Но принципиальное отличие правовых курсов состоит в том, что мышление в них формируется внутри практических действий по анализу ситуаций, то есть формируется как сторона практического сознания. В сфере права требуется развернутая аргументация своих мыслей, использование особых речевых средств для усиления воздействия на слушателя, выстраивание и вербальное оформление сложных многоуровневых логических заключений. Особая правовая риторика, конечно, недостижима в школе, но знакомство с лучшими образцами правовой риторики, пробы самостоятельной организации сложных речевых периодов - все это может и должно открыться в виде возможности построения собственного действия. Таким образом, работа с учебными курсами права обеспечивает развитие представлений о себе, отношения к себе и сообществу людей, усвоение общепринятых и выработку личных ценностных ориентации, правил и норм поведения, способов действия в обществе, а также развитие мышления и речи. Все это вместе и определяет правовую идентичность человека.

В современной школе право изучается практически только в 9-10-м классе, а еще недавно изучалось только в 9-ом классе оно отсутствует предшествующие 9 лет и в дальнейшем пропадает до 3 - 4 курса для тех, кто продолжает учебу в ВУЗе, а для большинства - навсегда. Такое положение дел лишний раз подтверждает пагубность ситуации, когда практически отсутствует концепция непрерывного правового образования и с необходимостью выдвигает проблему ее разработки и научного обоснования. Так, например, динамика изменения правовой ориентации студентов Днепропетровского государственного технического университета за период с первой половины 90-х годов до 2010 г.г. свидетельствует, что количество студентов, осознающих недостаток своих правовых знаний и желающих их улучшить выросло в области административного права соответственно с 54 до 62 %; гражданского права - с 41 до 60 %; трудового права - с 50 до 52 %. [8]. Учитывая, что студенческая молодежь - социальная перспектива государства, следует помнить, что именно здесь закладывается ее будущее правоповедение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Философский факультет Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998.
2. Философия: Учебное пособие для слушателей (студентов) заочного обучения юридических вузов / Под общей ред. В.П.Сальникова, Г.Н.Хона. – 2-е изд., испр. и доп. СПб. 2000. — 567 с.
3. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике) – Екатеринбург, УГЮА, 1995 — 123 с.
4. Чичерин Б. Н. Философия права.- СПб.: Наука, 1998. — 656 с.
5. Шуман, А. Н. Философская логика. Истоки и эволюция / А.Н. Шуман. — Минск: Экономпресс, 2001. — 896 с.
6. Пономарёв А. М. Право в системе национальных ценностей: монография / А. М. Пономарев; РАН, УрО, Ин-т экономики – Екатеринбург: Ижевск: [б. и.], 2009. — 119 с.
7. Тихонравов Ю. В. Основы философии права. – М.: Вестник, 1997. – 608с.
8. Конох М. Правова свідомість і правова культура студентської молоді у дзеркалі громадської думки / М. Конох, А. Хрідочкін //ПРАВО УКРАЇНИ, 2006. — №3. — С.83

Кравчик А. С. – доцент Европейского университета, Одесский филиал.

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Каким мы увидим мир, таким он и будет. Мы конституируем мир своим способом видения, структурой самого взгляда. Структура взгляда – это структура самого мира, каким он является для нас. Системность стягивает мир в монаду, «единое» как изначальную структуру бытия, о которой говорили пифагорейцы, назвав свой союз «συστήμα». С греческого «μοναδος» – «одно», цельное, законченное, завершённое, о-пределённое, о-граниченное, о-предмеченное, о-вещественное, ставшее. Системный взгляд – способ структурирования мира в его целостности, целокупности. Системный подход схватывает Целое мира. Система есть совокупность механизмов и процедур видения мира в его целостности и законченности, основная роль которых не дать миру распасться на куски. Задачей статьи является выделение логических оснований системного подхода, т.е. описание и экспликация таких логических процедур.

Весь формальный аппарат Параметрической ОТС строится на универсалиях ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ как на фундаменте. Исследуя логические основания Параметрической ОТС, следует изучить прочность самого фундамента, по образному изречению И.Канта, «свалить башню, чтобы узнать, прочны ли её основания». Тогда мы будем исходить из предположения, что этих универсалий не существует как таковых исходных оснований, но они появляются в контексте самой практики системного означивания: ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ порождаются, конституируются такими семантическими практиками. Существует определённый способ означивания чего-либо как системы. Мы хотели бы определить, как сложилась область практики такого означивания, а также конституируемые ею объекты, общие правила, весь дисциплинарный агрегат системного подхода. Наша задача ухватить и описать эту инстанцию рефлексии в этой речевой практике системного означивания.

Всё вышесказанное может быть сжато в краткую формулировку: необходимо подойти системно к самому системному подходу, а значит и к теории систем, которая является высшим выражением подхода [см. 1]. Системно подойти к системному подходу – это начинать не с ВЕЩЕЙ, СВОЙСТВ и ОТНОШЕНИЙ, как элементов, частей, а с «СИСТЕМЫ» как Целого и того, что реально вкладывается в это понятие логико-семантическими практиками системного означивания. То есть мы предлагаем применить главный принцип системного подхода, который гласит: «Целое предшествует своим частям» и «Целое больше своих частей», т.е. провозглашает движение мысли от Целого к своим частям, а значит фундирует первичность Целого.

Основной тезис статьи состоит в том, что СИСТЕМНОСТЬ как специфический способ означивания составляет семантическую практику. Смыслополагание чего-либо в качестве системы имеет свои логические законы и представляет собой набор логических операций, которые и конституируют составные элементы системного описания: ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ, семантический статус которых нам предстоит выяснить в результате предлагаемого подхода. Предлагаемый метод анализа исходит из предположения, что как таковых изначальных «категорий» ВЕЩЕЙ, СВОЙСТВ и ОТНОШЕНИЙ не существует. Необходимо исследовать вопрос о том, говорит ли системный подход как практика означивания чего-то как системы, о таких логических образованиях как ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ. Наша задача состоит в том, чтобы концептуализировать вышеназванную практику извне и изнутри этого системного означивания, состоящего в том, чтобы видеть мир системно. Необходимо отказаться от первичных, привычных категорий как изначальной данности, т.е. от универсалий ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ, которые используют представители системной школы, характеризуя и конструируя практику системного означивания. Мы надеемся осуществить нечто прямо противоположное: исходить из этой практики как она сложилась, но в то же время как она осмысливается и рационализируется, чтобы исследовать, как могут в действительности конституироваться такие образования мысли или ментальные конструкции как категории ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ, семантический статус которых необходимо выяснить. В этом и заключается поиск логических оснований Параметрической общей теории систем. Вместо того, чтобы исходить из универсальных категорий ВЕЩИ, СВОЙСТВА и ОТНОШЕНИЯ, выводя из них определение понятия «система», как это сделано, например в [1], т.е. вместо того, чтобы отталкиваться от этих универсалий как от понятийной сети системного подхода, обязательной для конкретной практики системного означивания, принятого в Параметрической ОТС,